Пролейтесь, слезы…

Автор:
Филип Дик

Пролейтесь, слезы…

Филип Киндред Дик

Джейсон Тавернер однажды утром проснулся в грязном номере отеля и столкнулся с тем, что агент, адвокат и подружка его не помнят. Настоящий шок для человека, известного тридцати миллионам телезрителей.

Банковские счета больше не существуют, все документы оказываются не действительны, а не иметь паспорта в полицейском государстве карается принудительной отправкой в трудовой лагерь. Случайная знакомая Кэти изготавливает ему поддельные документы, но Джейсон быстро выясняет, что она информатор. Тавернер с каждым часом оказывается все глубже вовлеченным в кризисную ситуацию.

«Пролейтесь, слезы…» – книга, в которой сразу распознается роман Филипа Киндреда Дика. Он создает убедительную и пугающую галлюцинаторную картину реальности, в которой полиция отслеживает все ваши действия, знает о ваших мыслях и обладает полной властью над вашей жизнью.

Филип Киндред Дик

Пролейтесь, слезы…

Тессе посвящена любовь в этом романе,

Любовь во мне вызвана ею же.

Она – моя маленькая песня.

Philip Kindred Dick

Flow My Tears, the Policeman Said

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1974, Philip K. Dick.

Copyright renewed © 2003, Laura Coelho, Christopher Dick and Isolde Hackett. All rights reserved

Фотография автора © Isa Dick Hackett

© М. Гутов, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Часть первая

Пролейтесь, слезы, из пустых глазниц!

Отныне вечно буду слышать я

Тоскливый крик полночных черных птиц,

Изгнанье, одиночество… тоска.

Глава 1

Во вторник, одиннадцатого октября 1988 года, развлекательная программа Джейсона Тавернера закончилась на тридцать секунд раньше положенного. Оператор запустил последнюю заставку и помахал из своего пластикового колпака уходящему со сцены Джейсону Тавернеру – вначале выразительно постучал по запястью, затем показал на рот.

Джейсон мягко произнес в микрофон:

– Шлите нам свои открытки и поздравления. А теперь вас ждут «Приключения Замечательного Пса Скотти».

Оператор улыбнулся, Джейсон улыбнулся ему в ответ, после чего изображение и звук отключились. Часовая музыкально-развлекательная программа, занимающая второе место среди лучших телевизионных шоу года, завершилась. И все прошло как надо.

– Где же мы потеряли полминуты? – спросил Джейсон у приглашенной на вечер звезды Хизер Гарт. Вопрос не давал ему покоя. Джейсон любил рассчитывать свои программы по секундам.

– Да все нормально. – Хизер прикоснулась прохладной рукой к его слегка вспотевшему лбу и нежно погладила песочного цвета волосы.

– Ты сознаешь, какой властью обладаешь? – сказал импресарио Ал Блисс, подойдя к Джейсону, как всегда, слишком близко. – Тридцать миллионов человек смотрели сегодня, как ты застегиваешь молнию на брюках. Это своего рода рекорд.

– Я каждую неделю застегиваю молнию, – ответил Джейсон. – Это мой фирменный жест. Или ты еще не заметил?

– Но тридцать миллионов! – Круглое красное лицо Блисса покрылось капельками пота. – Подумай!.. Это по самым грубым подсчетам…

– Я скорее умру, чем дождусь, пока ваши подсчеты принесут хоть какую-нибудь прибыль.

– Смотри, чтобы ты не умер сегодня. Толпа поклонников готова разорвать тебя на кусочки размером с почтовую марку. Между прочим, в толпе немало и ваших поклонников, мисс Гарт, – добавил Блисс хриплым, как у собаки, голосом.

– Черт бы их побрал, – недовольно проворчала Гарт, – почему они не расходятся? Неужели им нельзя пришить какое-нибудь нарушение закона? Хотя бы загрязнение улиц?

Джейсон сжал руку женщины, стараясь привлечь ее внимание. Он никогда не понимал ненависти Хизер к поклонникам. Для него они являлись доказательством популярности. А популярность была для Джейсона смыслом жизни. Точка.

– С таким отношением тебе не следовало идти на эстраду, – говорил он. – Бросай это дело. Иди в социальную службу. Смотрителем в принудительный трудовой лагерь.

– Там тоже люди, – мрачно ворчала она. Двое полицейских с трудом проложили себе дорогу в толпе и приблизились к Джейсону и Хизер.

– Пока еще можно пробиться, – просипел более толстый. – Советую поторопиться, мистер Тавернер. Иначе публика из студии перекроет боковые выходы.

Он махнул рукой, и еще трое полицейских начали оттеснять толпу от узкого прохода, ведущего на ночную улицу. Там уже подрагивал на холостом ходу похожий на ракету роскошный и дорогой «Роллс-Ройс». Как сердце, подумал Джейсон. Механическое сердце, которое бьется для него одного, для звезды. Ну и еще для Хизер.

Она это заслужила. Сегодня она пела хорошо. Почти как… Джейсон непроизвольно улыбнулся. Черт, надо смотреть правде в глаза. Люди включают трехмерные цветные телевизоры не для того, чтобы увидеть приглашенную знаменитость. Таких знаменитостей по всей Земле не меньше тысячи, и еще несколько в марсианских колониях.

Они включают телевизоры, чтобы увидеть меня. И я всегда там. Джейсон Тавернер еще никогда не разочаровывал своих поклонников. И никогда их не разочарует. Впрочем, Хизер относилась к своим почитателям по-другому.

– Ты их не любишь, – произнес Джейсон, продираясь по пропахшему потом коридору, – потому что ты не любишь себя. В глубине души ты думаешь, что у них плохой вкус.

– Идиоты, – проворчала Хизер и тихо выругалась, когда ее огромная шляпа с висячими полями навсегда исчезла в китовом брюхе наседающей толпы.

– Они – обычные, – прокричал Джейсон ей в ухо, едва не потерявшись в густой копне сверкающих рыжих локонов. Знаменитый каскад ее волос давно и успешно копировали во всех салонах красоты.

– Не люблю этого слова, – резко ответила Хизер.

– Обычные, – повторил Джейсон. – И глупые. Потому что, – он ущипнул ее за мочку уха, – это одно и то же. Правильно?

– О господи, – вздохнула она, – как я хочу оказаться в корабле, летящем через бездну. Бесконечную пустоту. Чтобы не слышать этих воплей, не видеть челюстей, жующих разноцветные жвачки.

– Ты их в самом деле ненавидишь.

– Ненавижу. Так же, как и ты. – Она на мгновение остановилась и повернулась к нему. – Ты ведь прекрасно понимаешь, что твой чертов голос давно пропал. Ты спекулируешь на прошедшей славе, которую тебе никогда не вернуть. – Неожиданно Хизер улыбнулась. Нежно. – Стареем, наверное? – донеслось до него сквозь рев и визг толпы. – Вместе. Как муж и жена.

– Шестые не стареют, – проворчал Джейсон.

– Еще как стареют! – Протянув руку, она потрепала его по волнистым каштановым волосам. – Сколько ты их уже красишь, дорогуша? Год? Три?

– Садись в машину, – приказал он, выводя ее из здания на тротуар Голливудского бульвара.

– Сяду – если ты возьмешь верхнее си. Только чисто. Помнишь, как ты…

Джейсон силой запихнул ее в автомобиль, с трудом втиснулся следом и помог Алу Блиссу захлопнуть дверь. Спустя мгновение они поднялись в затянутое дождевыми тучами ночное небо. Огромное сияющее небо Лос-Анджелеса, яркое, как в самый ясный полдень. Вот что оно означает для тебя и для меня, подумал Джейсон. Для нас двоих, сколько бы ни прошло времени. Всегда будет так, как сейчас, потому что мы – шестые. Мы оба. Независимо от того, догадываются об этом другие или нет.

А они не догадываются, мрачно отметил он, наслаждаясь черным юмором этой мысли. Ибо то, что знали они, не знал больше никто. Так было задумано. Изначально. Даже сейчас, когда все пошло кувырком… По крайней мере с точки зрения дизайнеров. Великих браминов, которые все рассчитали и… просчитались. Сорок пять лет назад, когда мир был молод и капельки дождя сверкали на давно исчезнувших японских вишнях Вашингтона, округ Колумбия. И сам благородный эксперимент пах весной. Хотя и недолго.

– Давай полетим в Цюрих.

– Я очень устала, – откликнулась Хизер. – К тому же это место ужасно меня утомляет.

– Дом? – недоверчиво переспросил Джейсон. Хизер сама выбирала его для них двоих, после чего они уехали на несколько лет… главным образом из-за поклонников, которых она так ненавидела.

– Да, дом, – повторила она со вздохом. – Швейцарские часы. Хлеб. Булыжные мостовые. Снег на холмах.

– Горы, – задумчиво произнес Джейсон. – Ладно, черт побери, тогда я полечу без тебя.

– Возьмешь с собой кого-нибудь? – Этого он просто не мог понять.

– Ты что, хочешь, чтобы я кого-нибудь с собой взял?

– С твоим знаменитым магнетизмом, с твоим шармом… Любая девчонка запрыгнет в твою огромную медную кровать. Правда, там от тебя не много толку.

– О боже, – с отвращением воскликнул он. – Опять твои старые фантазии. И заметь, чем они нелепее, тем упорнее ты за них цепляешься.

Повернувшись к нему, Хизер произнесла:

– Ты ведь знаешь, как ты выглядишь. Несмотря на свои годы. Ты красив. Тридцать миллионов человек таращатся на тебя ровно час в неделю. Их не волнует твое пение. Они любуются твоей неотразимой красотой.

– То же самое можно сказать и про тебя, – едко проворчал Джейсон. – Ему вдруг захотелось быстрее оказаться в тихом, безмолвном пригороде Цюриха, словно ждущем, когда они снова приедут. Казалось, сам дом хотел, чтобы они остались. Не на ночь, не на неделю, а навсегда.

– Я выгляжу молодо, – ответила Хизер. Он внимательно посмотрел на нее. Волна рыжих волос, бледная кожа с веснушками, сильный римский нос. Огромные, глубоко посаженные синие глаза. Она была права. О возрасте не догадаешься. Конечно, в отличие от него Хизер не подключалась к телефонным сетям транссексуалов, но ведь и он никогда этим не злоупотреблял. Никакой

зависимости, мозговых травм, ничего, что может вызвать преждевременное старение.

– Ты потрясающе красивая женщина.

– А ты?

Его этим не проймешь. Он знал, что сохранил очарование и силу, которые сорок два года назад вписали в его хромосомы. Да, волосы поседели и приходится их красить. Появились морщинки. Но в остальном…

– Пока у меня есть голос, все будет в порядке. Так, как я хочу. Ты за меня не волнуйся. И постарайся перебороть присущую шестому отчужденность. Так называемую индивидуальность… Ну хорошо, если не хочешь в Цюрих, куда ты хочешь полететь? К тебе? Ко мне?

– Я хочу выйти за тебя замуж. Чтобы больше не было «у тебя» или «у меня». Чтобы было «у нас». Я бы бросила петь и родила тебе троих детей. Они были бы на тебя похожи.

– Даже девочки?

– У нас были бы только мальчики, – ответила Хизер. Он наклонился и поцеловал ее в нос. Она нежно погладила его руку.

– Сегодня ты можешь лететь куда хочешь, – произнес Джейсон низким, твердым и очень уверенным голосом. Почти отцовским голосом. Обычно на Хизер это действовало. Даже тогда, когда все остальное не помогало. А я, подумал он, где-нибудь сойду.

Этого она боялась больше всего. Иногда во время их ссор, особенно в доме в Цюрихе, когда никто не мог их слышать и вмешаться, он видел на ее лице этот страх. Возможность остаться одной пугала Хизер; он знал это, и она знала. Страх стал составной частью их совместной жизни. Но не для публики. Для нее все всегда было в порядке. Как и положено профессиональным артистам, они умели контролировать свои чувства. Как бы они друг на друга ни сердились, как бы ни уставали, в глазах своих бесчисленных почитателей, авторов писем,

безумных фанатов они оставались нераздельной парой. И изменить это не в состоянии даже лютая ненависть.

Правда, ненависти между ними быть не могло. Слишком много у них общего. Слишком много они друг от друга получали. Даже простое соприкосновение в несущемся по небу «Роллс-Ройсе» наполняло их счастьем. По крайней мере на то время, пока оно продолжалось.

Порывшись во внутреннем кармане великолепно пошитого костюма из настоящего шелка – таких костюмов во всем мире не набралось бы и десятка, – Джейсон вытащил пачку правительственных ассигнаций. Некоторые купюры были изрядно помяты.

– Не следует носить при себе столько наличных, – заметила Хизер поучительным материнским тоном, который он терпеть не мог.

– С помощью этого, – Джейсон потряс пачкой денег, – мы можем улететь куда угодно.

– Если только какой-нибудь студент не сбежит из кампуса и не отрежет тебе руку вместе с деньгами. Ты же не можешь без показухи. Посмотри на свой галстук. Ты всегда был вульгарен. Вульгарен и хвастлив. Нет, ты посмотри на свой галстук! – Теперь она почти кричала. Похоже, Хизер действительно разозлилась.

– Жизнь коротка, – заметил Джейсон. – А период процветания еще короче. – Тем не менее он засунул пачку в карман пальто и разгладил слегка помявшийся костюм. – Между прочим, я тебе хотел кое-что купить. – На самом деле он планировал распорядиться этой суммой несколько иначе – поехать в Лас-Вегас и поиграть в блэк-джек. Способности шестого позволяли – и он не упускал случая воспользоваться этой возможностью – всегда выигрывать в блэк-джек. Он имел преимущество перед всеми, даже перед банкометом. Даже, промелькнула отчаянная мысль, перед владельцем казино.

– Лжешь, – отрезала Хизер. – Ты никогда обо мне не думаешь. Ты эгоист, ты занят только собой. На эти неправедные деньги ты планировал купить очередную блондинку с пышной грудью и затащить ее в постель. Может быть, даже в нашем доме в Цюрихе, который я не видела уже четыре месяца. С тем же

успехом я могла бы быть беременной.

Ему показались странными ее слова. С другой стороны, он многого не понимал в Хизер. С ним, как и со своими поклонниками, она никогда не откровенничала. Как бы то ни было, за все эти годы он хорошо ее узнал. Например, он знал, что в 1982 году она сделала аборт. Для всех остальных это оставалось секретом. Он знал, что какое-то время она состояла в незаконном браке с лидером студенческой коммуны, что целый год прожила в грязном крольчатнике колумбийского университета с вонючими бородатыми студентами, которых полиция и национальные гвардейцы загнали под землю. Если бы не полиция, они бы разбежались по всему обществу, как черные крысы с тонущего корабля.

Еще он знал, что год назад Хизер арестовали за хранение наркотиков. И если бы не богатые и влиятельные родственники, не помогли бы ни ее обаяние, ни искра божья. Да и денег бы у нее не хватило, чтобы откупиться.

Джейсон знал, что Хизер слегка ошарашена всем, что на нее свалилось. Но он знал также и то, что она уже пришла в себя. Как все шестые, она обладала невероятной способностью восстанавливаться. Это в них вложили с особой тщательностью. В каждого из них. И многое-многое другое. Даже он в свои сорок два года не знал всех своих преимуществ. Хотя ему всякое довелось повидать. В том числе и останки других артистов, через которых ему пришлось переступить на пути к вершинам своей карьеры.

– Эти крикливые галстуки… – начал Джейсон, но тут зазвонил мобильный телефон. Может быть, Ал Блисс хочет сообщить рейтинг сегодняшнего шоу…

Но это был не Блисс. Резкий женский голос зазвенел в ухо:

– Джейсон?

– Да? – Прикрыв рукой трубку, он проворчал в сторону Хизер: – Это Мэрлин Мэнсон. Какого черта ты дала ей номер моего воздушного автомобиля?

– Какая Мэрлин Мэнсон? – спросила Хизер.

– Потом расскажу, – проворчал он и, сняв ладонь с трубки, воскликнул:

– Да, дорогая, это действительно Джейсон, самый настоящий, в собственной реинкарнированной плоти. Что с тобой? У тебя ужасный голос. Тебя опять выселяют? – Он подмигнул Хизер и устало улыбнулся.

– Отвяжись от нее, – сказала Хизер.

– Я и пытаюсь, разве ты не видишь? – зашипел он, снова прикрывая трубку рукой. – Хорошо, Мэрлин, – продолжал он уже в трубку. – Выкладывай, что там у тебя. Поделись наболевшим, я ведь для этого и существую.

В течение уже двух лет Мэрлин Мэнсон была его протеже. Она мечтала стать певицей, быть богатой, любимой и знаменитой – как он. Однажды она забрела к нему в гримерную. Тогда он впервые обратил на нее внимание. Маленькое, напряженное, озабоченное лицо, короткие ноги, слишком короткая юбка – все это он заметил с первого взгляда. А спустя неделю он устроил ей прослушивание с руководителем артистического и репертуарного отдела студии «Коламбия рекордз».

Неделя оказалась весьма насыщенной, хотя до пения дело так и не дошло.

Громкий голос Мэрлин сверлил ухо:

– Я должна тебя увидеть. Иначе я покончу с собой, и виноват в этом будешь ты. Ты будешь мучиться до самой смерти. А перед тем как погибнуть, я расскажу Хизер Гарт про то, что все это время мы с тобой спали.

Джейсон вздохнул. Черт, как же он устал. Еще во время шоу, в течение которого ему приходилось улыбаться, улыбаться и улыбаться.

– Я лечу в Швейцарию, – решительно и твердо произнес он, словно разговаривал с капризным ребенком. Обычно, когда Мэрлин впадала в полупараноидальное состояние, подобный тон на нее действовал. Только не на этот раз.

– Тебе хватит пяти минут, чтобы прилететь ко мне на своем воздушном «роллсе», – завопила Мэрлин ему в ухо. – Наш разговор не займет и пяти секунд. Я должна сказать тебе что-то важное.

Наверное, забеременела, подумал Джейсон. Специально или неспециально забыла принять таблетку.

– Что ты можешь мне рассказать за пять секунд? – резко произнес он. – Говори сейчас.

– Я хочу, чтобы ты был со мной, – произнесла Мэрлин со свойственным ей безрассудством. – Ты должен приехать. Я не видела тебя шесть месяцев. Все это время я думала о нас. В частности, о последнем прослушивании.

– Хорошо, – произнес Джейсон обиженно. Вот что он получил в благодарность. За то, что пытался сделать карьеру этой посредственности.

С треском бросив трубку, он повернулся к Хизер:

– Я рад, что ты с ней никогда не встречалась. Это настоящая…

– Не говори глупостей, – перебила его Хизер. – Я не встретилась с ней только потому, что ты этого не допустил.

– Как бы то ни было, – произнес Джейсон, закладывая правый поворот, – я устроил ей не одно, а два прослушивания. И оба она провалила. Теперь она пытается во всем обвинить меня. Будто бы я привел ее к провалу. Представляешь?

– У нее красивые груди? – поинтересовалась Хизер.

– Если честно, да. – Он улыбнулся, и Хизер засмеялась. – Ты же знаешь мои слабости. Но я выполнил обещанное – я устроил ей прослушивание, даже два. Последнее было шесть месяцев назад, и я уверен, что все это время она убивалась из-за своей неудачи. Интересно, что она хочет мне рассказать.

Он перешел на автопилот, выставив указатель на посадочную площадку на крыше дома Мэрлин.

– Вероятно, она тебя любит, – произнесла Хизер, когда машина села.

– Так же, как сорок миллионов других, – нашелся Джейсон.

Хизер устроилась удобнее в кресле и проворчала:

– Только недолго. Или покажи, как отсюда взлетать.

– Ты что, оставишь меня с Мэрлин Мэнсон? – опешил Джейсон. Они оба рассмеялись. – Я буквально на минуту.

Он решительно пересек площадку и нажал кнопку лифта.

Едва войдя в квартиру Мэрлин, Джейсон понял, что она окончательно спятила. Напряженное лицо женщины было стянуто в ужасную гримасу, тело усохло, словно она хотела саму себя переварить. И глаза… Мало что в женщине могло его тронуть, но эти глаза его поразили. Глаза были совершенно круглые, с огромными зрачками. Сложив на груди руки, Мэрлин уставилась на него железным, непреклонным взглядом.

– Говори, – произнес он, поглаживая для успокоения ручку двери. Как правило, он всегда мог контролировать ситуации, в которых замешаны женщины. В некотором роде это было его специальностью. – Ты хочешь еще одно прослушивание? Да?

Мэрлин отрицательно покачала головой.

– Хорошо, тогда скажи мне, в чем дело, – произнес он устало. Джейсон постарался, чтобы в его голосе не прозвучала тревога. Он был достаточно опытен, чтобы не дать ей это почувствовать. В спорах с женщинами обе стороны блефуют на девяносто процентов. Важно не то, что ты говоришь, а как ты говоришь.

– У меня для тебя кое-что есть. – Мэрлин повернулась и вышла на кухню. Джейсон последовал за ней.

– Ты по-прежнему обвиняешь меня в двух последних неудачах?

– На. – Мэрлин сжимала в руках большой пластиковый пакет. Лицо ее еще больше побледнело и обострилось, глаза превратились в немигающие шары. Неожиданно она раскрыла пакет и метнулась к нему.

Все произошло слишком быстро. Джейсон инстинктивно кинулся назад, но было поздно. Желеподобная губка Каллисто с пятьюдесятью трубками-присосками намертво прилипла к его груди. Присоски тут же впились в тело.

Джейсон кинулся к кухонному шкафу, схватил наполовину пустую бутылку виски, трясущимися пальцами скрутил пробку и вылил жидкость на студенистое существо. Мысли его были ясны и отчетливы, он не поддался панике, он спокойно лил виски на эту тварь.

Какое-то время ничего не происходило. Ему по-прежнему удавалось держать себя в руках и не поддаваться панике. Потом тварь забулькала, запузырилась и шлепнулась на пол. Сдохла.

Джейсон присел на кухонный столик. Он вдруг страшно ослаб и почувствовал, что борьба теперь идет внутри его. Несколько присосок остались в груди, они были еще живы.

– Неплохо, – с трудом выговорил он. – Ты меня почти перехитрила.

– Не почти, – ответила Мэрлин Мэнсон безжизненным голосом. – Несколько присосок остались в тебе. И ты это знаешь. По лицу вижу. Тебе не удастся вытащить их при помощи бутылки виски. Их невозможно вытащить.

В этот момент Джейсон потерял сознание. Сквозь пелену он видел, как серо-зеленый пол поплыл ему навстречу… После чего все пропало. Пустота, в которой даже для него не нашлось места.

* * *

Боль. Открыв глаза, он инстинктивно потрогал грудь. Шелковый костюм ручной работы пропал. Теперь на нем была больничная пижама. Сам Джейсон лежал на носилках.

– О боже, – хрипло произнес он, когда два санитара быстро покатили носилки по больничному коридору.

Над ним склонилась Хизер Гарт. Она была встревожена, но, как и Джейсон, держала себя в руках.

– Я поняла, что что-то не так, – сказала она, в то время как санитары вкатили носилки в комнату. – Я вышла из машины и пошла за тобой следом.

– Наверное, подумала, что мы завалимся в постель, – слабым голосом произнес Джейсон.

– Доктор сказал, что еще пятнадцать секунд, и ты бы получил соматический шок. Когда эта мерзость в тебя влезла.

– Я ее прикончил, – сказал Джейсон. – Однако присоски… Было уже поздно.

– Я знаю, – кивнула Хизер. – Доктор мне рассказал. Они хотят как можно быстрее сделать операцию. Пока присоски не залезли слишком глубоко.

– Я не растерялся, – прохрипел Джейсон. – Может быть, чуть-чуть. Ну, совсем чуть-чуть. – Открыв глаза, он увидел, что Хизер плачет. – Неужели все так плохо?

Джейсон попытался найти ее руку. Когда она стиснула его пальцы, он почувствовал, что его любят. Потом все пропало. Кроме боли. Пропала больница, Хизер, врачи, свет. И звук. Наступившая вечность поглотила его целиком.

Глава 2

Свет пробивался через прикрытые веки, перед глазами плыли красные круги. Он приоткрыл глаза и огляделся, надеясь увидеть доктора или Хизер.

В комнате он был один. Больше никого. Комод с треснувшим зеркалом, страшные старые обрывки обоев на грязных стенах. Где-то рядом работал телевизор.

На больницу все это никак не походило.

И Хизер рядом с ним не было. Он чувствовал ее отсутствие, полную, всеобщую пустоту из-за того, что ее нет.

О боже, что же все-таки случилось?

Боль в груди прошла, а вместе с ней и многое другое. Слабой рукой Джейсон отбросил грязное шерстяное одеяло, сел и потер лоб, пытаясь собраться силами.

Я в гостинице. В грязном дешевом клоповнике. Ни штор, ни ванной. Как много лет назад, в начале его карьеры. Когда никто его не знал, а у него самого не было ни гроша. Джейсон всеми силами старался забыть этот период.

Деньги. Он схватился за одежду. Вместо больничной пижамы на нем снова был измятый шелковый костюм ручной работы. А во внутреннем кармане пачка крупных купюр, которые он собирался взять с собой в Лас-Вегас.

Уже хорошо.

Джейсон огляделся в поисках телефона. Конечно, в комнате его нет. Наверняка в холле. А кому звонить? Хизер? Своему импресарио Алу Блиссу? Продюсеру телешоу Мори Ману? Адвокату Биллу Уолферу? Или всем сразу?

Он с трудом поднялся и, пошатываясь, принялся проклинать все вокруг, не понимая за что. Его вел животный инстинкт, приводил в состояние боевой готовности. Его сильное тело шестого должно быть в форме. Только вот кто противник, оставалось неясным. Это пугало. Впервые Джейсон почувствовал, что его охватывает паника.

Много ли прошло времени? Он не мог сказать, похоже, чувство времени он потерял. За окном, во всяком случае, стоял день. Через грязное стекло виднелись кружащиеся птицы.

Джейсон посмотрел на часы. Десять тридцать. Ну и что? С тем же успехом могли пройти сотни лет. От часов толку мало.

А вот телефон ему поможет.

Джейсон выбрался в пыльный коридор, нашел лестницу и осторожно спустился, перебираясь со ступеньки на ступеньку и держась за перила. Наконец его глазам предстал пустой и мрачный холл со старыми плюшевыми креслами.

Хорошо, что остались мелкие монеты. Он бросил в монетоприемник золотой доллар и набрал номер Ала Блисса.

– Агентство талантов Блисса, – ответил голос самого Ала.

– Слушай, – сказал Джейсон, – я не знаю, где я нахожусь. Ради всего святого, приезжай и забери меня отсюда. Ал, ты понял? Ал?

Телефон молчал. Наконец далеким равнодушным голосом Ал Блисс спросил:

– С кем я говорю?

Джейсон прорычал ответ.

– Я вас не знаю, мистер Джейсон Тавернер, – бесстрастно произнес Ал Блисс. – Вы уверены, что набрали правильный номер? Кто вам нужен?

– Ты мне нужен, Ал. Ал Блисс, мой импресарио. Что случилось в больнице? Как я сюда попал? Ты можешь мне объяснить? – По мере того как он говорил, Джейсон успокаивался. Последние слова прозвучали почти спокойно. – Ты можешь связаться с Хизер?

– С мисс Гарт? – со смешком переспросил Ал.

– Значит, так, – взорвался Джейсон. – Больше ты на меня не работаешь! Ясно? Можешь ничего не объяснять. Точка. Ты уволен.

Ал Блисс снова рассмеялся, после чего повесил трубку.

Убью сукина сына, подумал Джейсон. Разорву маленького лысого ублюдка на кусочки.

Не понимаю, что на него нашло. Почему он так поступил? Что, черт побери, я ему сделал? Он был моим другом и агентом в течение девятнадцати лет. Ничего подобного никогда не случалось.

Позвоню Биллу Уолферу, решил Джейсон. Он всегда в офисе или на связи. Пусть объяснит, что все это значит.

Джейсон опустил в монетоприемник второй доллар и по памяти набрал номер.

– Юридическая контора Уолфер и Блейн, – ответила секретарша.

– Соедините меня с Биллом, – сказал Джейсон. – Это Джейсон Тавернер. Вы меня знаете.

– Мистер Уолфер в данный момент в суде, – ответила секретарша. – Если хотите, я соединю вас с мистером Блейном. Или мистер Уолфер перезвонит вам, когда вернется.

– Вы знаете, кто я такой? – прорычал Джейсон. – Знаете Джейсона Тавернера? Телевизор смотрите? – Голос его сорвался.

– Конечно.

– И вы что, обо мне не слышали? Шоу Джейсона Тавернера? По вторникам в девять вечера?

– Простите, мистер Тавернер. Думаю, вам следует поговорить с самим мистером Уолфером. Назовите ваш номер, и мистер Уолфер перезвонит вам в течение дня.

Джейсон повесил трубку.

Я спятил, подумал он. Или она рехнулась. Она и Ал Блисс. Ублюдок. О боже.

Пошатываясь, он отошел от телефона и тяжело опустился в плюшевое кресло. Сидеть в нем было удобно. Дыхание выровнялось, он прикрыл глаза и задумался.

У меня пять тысяч в государственных ассигнациях. Значит, я уже не беспомощен. Этой твари на груди больше нет. Даже присоски повытаскивали. Наверное, в больнице мне сделали операцию. По крайней мере я жив, это уже повод для радости. Был ли провал во времени? Где тут можно найти газету?..

На соседнем диване он увидел «Лос-Анджелес таймс». Прочел дату: двенадцатое октября 1988 года. Никакого провала. Следующий день после последнего шоу, когда Мэрлин уложила его в больницу.

Неожиданно ему пришла в голову мысль. Джейсон просмотрел колонки развлечений. Последнее время он стал завсегдатаем Персидской гостиной в отеле «Голливуд Хилтон». Он бывал там каждый вечер, кроме, естественно, вторников, когда шло шоу.

Вот уже три недели, как отель регулярно публиковал его имя в списке гостей. На этот раз, однако, Джейсон своего имени не увидел. Может, перенесли на другую страницу? Он внимательно просмотрел весь раздел, объявление за объявлением. Нигде ничего. И фотографий его тоже нет. Между тем последние десять лет без них не обходился ни один номер.

Попробую еще раз. Позвоню Мори Ману.

Джейсон вытащил бумажник, в который засунул визитку с номером Мори. Бумажник оказался непривычно тонким.

Все удостоверения пропали. Документы, которые позволяли ему остаться в живых. С помощью которых он мог пройти через баррикады полиции и нацгвардии, не боясь, что его пристрелят или отправят в трудовой лагерь.

Без удостоверения личности я и двух часов не проживу, подумал Джейсон. Без него я не рискну даже выйти из этого клоповника и сделать пару шагов по тротуару. Меня могут принять за сбежавшего из кампуса студента или

преподавателя. И я загремлю в лагерь, где меня заставят ишачить до конца жизни. Без документов я не личность. Так это, кажется, называется.

Итак, самое главное – остаться в живых, рассуждал Джейсон. Черт с ним, что никто не знает артиста Джейсона Тавернера. С этим разберемся после.

Он почувствовал, как в мозгу заработали мощные программы шестого. Я не такой, как другие, сказал он себе. Я выберусь из этого положения. Как-нибудь да выберусь.

Для начала, рассуждал он, денег у меня хватит, чтобы добраться до Уаттса, где можно купить поддельные документы. Полный бумажник. Насколько я знаю, там на каждом углу делают фальшивки. Не думал, однако, что придется воспользоваться их услугами. Мне, Джейсону Тавернеру! Артисту с аудиторией в тридцать миллионов человек!

Кстати, найдется ли среди этих тридцати миллионов один, который меня помнит? Если, конечно, «помнить» – подходящее слово. Рассуждаю, словно уже давно вышел в тираж и живу прошлой славой.

Вернувшись к телефону, он нашел номер центра рождаемости штата Айова и, потратив несколько золотых монет, дозвонился до регистрационного отдела.

– Мое имя Джейсон Тавернер, – сказал он клерку. – Я родился в Чикаго в больнице «Мемориал» 16 декабря 1946 года. Не могли бы вы выдать мне копию свидетельства о рождении? Мне это нужно для устройства на новую работу.

– Конечно, сэр. – Клерк перевел его в режим ожидания. Спустя некоторое время в трубке щелкнуло. – Джейсон Тавернер, родился в графстве Кук 16 декабря 1946 года?

– Да.

– У нас нет регистрационной формы на это время и место. Вы ничего не перепутали, сэр?

– Хотите сказать, я забыл, где и когда родился? – Голос его снова сорвался, на этот раз он даже не пытался себя контролировать. Джейсона охватила паника. – Благодарю, – прошептал он. Его колотила дрожь.

Я не существую. Джейсона Тавернера нет. Не было и никогда не будет. Черт с ней, с карьерой, я просто хочу жить. Если кому-то не дает покоя моя слава, бог с ним, пусть стирает все мое творчество. Но неужели меня лишают права на обыкновенное существование? Я что, уже и не рождался?

Что-то пошевелилось у него в груди. Неужели они вытащили не все присоски? И теперь они продолжают расти внутри меня? А все из-за этой бездарной шлюхи, которая все равно кончит на улице, будет продаваться за полдоллара.

После всего, что я для нее сделал: два прослушивания на таком уровне! Ну да ладно. Мы с ней еще посчитаемся.

Вернувшись в комнату, Джейсон внимательно оглядел себя в засиженном мухами аляповатом зеркале. Внешне он не изменился, разве что не мешало побриться. Не постарел, морщин не прибавилось, седина не просвечивает. Хорошие плечи и бицепсы. Талия без жира – можно носить модные облегающие костюмы, что немаловажно для имиджа, отметил Джейсон. Таких костюмов у меня, наверное, полсотни. Вернее, раньше было, поправился он. Где они сейчас? «Птичка улетела, на какой лужайке она сейчас поет?» Песенка из прошлого, еще со школьных лет. Странно, что только не придет в голову, когда оказываешься в непривычной обстановке. Всякая чепуха, в нормальной жизни ни за что бы не вспомнил.

Или вот еще поговорка: «Если желания – кони, то нищие должны летать». Подобная галиматья способна свести с ума.

Интересно, сколько контрольных пунктов полиции и нацгвардии отделяют меня от ближайшего места в Уаттсе, где можно сделать поддельное удостоверение? Десять? Тринадцать? Две? Впрочем, мне хватит и одной. Одной выборочной проверки мобильной командой из трех человек. С прямой связью с центральной базой данных полиции и нацгвардии в Канзас-Сити. Там у них хранятся все досье.

Джейсон закатил рукав и осмотрел предплечье. На месте! Нанесенный при помощи татуировки индивидуальный идентификационный номер. Родной номерной знак, который ему суждено носить всю жизнь. С ним его и похоронят.

В таком случае полицейские передадут этот номер в Канзас-Сити… А потом? Сохранился ли он в базе данных или пропал, как данные о его рождении? А если его там не окажется, что решат бюрократы из полиции?

Техническая ошибка? Кто-то подменил данные микрофильма и сфабриковал фальшивое досье. За такое придется не меньше десяти лет отмахать киркой на Луне. Потому что, если на человека нет досье, он либо преступник, либо беглый студент.

Джейсон понял, что попал в настоящую передрягу. Я не имею права даже на обыкновенное существование – я, человек, которого еще вчера боготворили тридцать миллионов зрителей!.. Ничего, я их еще верну. Позже. Сейчас надо подумать о другом – о самой основе существования, которой меня лишили. Но я выкручусь. Шестые не такие, как все. Ни один человек не выдержал бы того, что на меня свалилось. Ни физически, ни психологически. Особенно неопределенности.

Шестой, независимо от внешних обстоятельств, всегда побеждает. Потому что так нас запрограммировали генетически.

Он снова вышел из номера гостиницы, спустился по лестнице и подошел к регистратуре. Средних лет клерк с редеющими усами, не поднимая головы от журнала «Бокс», произнес:

– Да, сэр?

Джейсон вытащил из кармана пачку денег и положил на стойку купюру достоинством в пятьсот долларов. Клерк взглянул на деньги вначале равнодушно, потом глаза его округлились. Наконец он вопросительно посмотрел на Джейсона.

– У меня украли все документы, – сказал Джейсон. – Эти пятьсот долларов ваши, если вы меня выручите. Сведите меня с человеком, который сумеет сделать поддельные удостоверения. Если вы хотите мне помочь, не тяните, я ждать не

могу.

Ждать, пока тебя загребут полицейские или нацгвардейцы, подумал он про себя. Здесь, в вонючем клоповнике.

– Или на тротуаре у входа, – добавил клерк. – Я немного телепат. Согласен, наша гостиница скромная, но клопов у нас нет. Как-то раз нам завезли марсианских песчаных блох, но клопов… боже упаси. – Он взял со стойки пятисотдолларовую купюру. – Я познакомлю вас с человеком, который сможет вам помочь. – И, еще раз внимательно посмотрев на Джейсона, добавил: – Вы считаете себя знаменитым на весь мир. Что ж, такое тоже встречается.

– Идемте, – простонал Джейсон. – Скорее.

– Хорошо, – кивнул клерк, накидывая блестящий синтетический плащ.

Глава 3

Когда старая развалюха клерка медленно и со страшным шумом выкатилась на улицу, он повернулся к Джейсону и заметил:

– Я так много странного читаю в ваших мыслях…

– Оставьте мои мысли в покое, – раздраженно произнес Джейсон. Его передернуло от отвращения. Он всегда ненавидел любопытных, сующих свой нос куда не надо телепатов. Этот тип не стал исключением. – Оставьте мои мысли в покое и отвезите меня к человеку, который сумеет мне помочь. Постарайтесь не напороться на контрольно-пропускной пункт, если хотите остаться в живых.

– Вам нет необходимости мне это объяснять, – мягко ответил клерк. – Я прекрасно знаю, что вас ждет, если нас остановят. Мне не раз приходилось оказывать подобные услуги. В основном студентам. Но вы ведь не студент. Вы – знаменитый, очень богатый человек. И в то же время это не так. Вы – никто. С точки зрения закона вы вообще не существуете. – Не отрывая взгляда от дороги,

клерк рассмеялся тонким слабым смехом.

Ведет машину, как старуха, отметил Джейсон. Вцепился обеими руками в руль.

Начались трущобы Уаттса. Узенькие темные лавки по обеим сторонам грязной захламленной улицы, тротуары засыпаны мусором и битым бутылочным стеклом, аляповатые надписи, огромная реклама колы, названия магазинчиков. Старый негр торопливо перекрестился на перекрестке и двинулся дальше, нащупывая дорогу, как слепой. При виде этого человека Джейсон испытал странное чувство. После того как в страшные дни восстания Конгресс принял скандальный закон Тидмана о стерилизации, темнокожих почти не осталось.

Клерк притормозил, пропуская старика в поношенном, разлезающемся по швам коричневом костюме. Очевидно, он почувствовал то же самое.

– Знаете, что, если я его задавлю, меня могут расстрелять?

– Правильно сделают, – откликнулся Джейсон.

– Они как последняя стая ухающих журавлей, – сказал клерк и тронулся с места, дождавшись, когда старик добрался до противоположной стороны улицы. – Защищены тысячью законов. На них нельзя кричать, с ними нельзя драться – схлопочешь десять лет тюрьмы. При этом все делается для того, чтобы они поскорее вымерли. К чему, собственно, стремился Тидман и, думаю, большинство Промолчавших. Но… – он сделал короткий жест, первый раз убрав руку с руля, – мне не хватает детей. Помню, когда мне было десять лет, я играл с черным мальчиком. Кстати, недалеко отсюда. Сейчас его наверняка стерилизовали.

– Значит, у него есть ребенок, – заметил Джейсон. – Стерилизуют только после того, как жена сдаст талон на первого и единственного ребенка. Но на одного они имеют право. И он охраняется миллионами законов.

– Двое взрослых, один ребенок, – произнес клерк. – С каждым поколением черное население уменьшается вдвое.

Вымирает. Заслуга принадлежит Тидману. Он прекрасно разрешил расовую проблему.

– Что-то нужно было делать, – проворчал Джейсон, вглядываясь в дорогу. В любой момент они могли налететь на баррикаду или полицейский патруль. Пока все шло хорошо, но долго ли так может продолжаться?

– Мы почти приехали, – откликнулся клерк. Повернувшись к Джейсону, он добавил:

– Мне не нравятся ваши расистские взгляды. Даже если вы платите мне пятьсот долларов.

– На мой век черномазых хватит, – сказал Джейсон.

– А когда умрет последний?

– Я не буду вам отвечать, вы все равно читаете мои мысли.

– О боже, – вздохнул клерк и уставился на дорогу. Машина резко свернула направо и теперь ехала по узкой улочке, с обеих сторон которой тянулись запертые деревянные двери.

– Что за этими дверьми? – спросил Джейсон.

– Люди. Такие же, как вы. Они не могут выйти на улицу. В одном они от вас отличаются – у них нет пятисот долларов… да и многого другого, если я правильно читаю ваши мысли.

– Документы обойдутся мне недешево, – проворчал Джейсон. – Может, придется отдать все, что у меня есть.

– Лишнего она с вас не возьмет, – сказал клерк, останавливаясь у тротуара.

Джейсон выглянул в окно. Рядом был заброшенный ресторан с выбитыми окнами. Внутри совершенно темно. Это место вызвало у него отвращение, но, судя по всему, именно сюда они и ехали. Придется терпеть, выбора у него нет.

К тому же они не напоролись ни на одну баррикаду или контрольный пункт. Клерк выбрал правильную дорогу. Так что жаловаться пока не приходится.

Они вылезли из машины и подошли к болтающейся на петлях сломанной двери ресторана. Никто не проронил ни слова, оба внимательно смотрели под ноги, чтобы не наступить на гвозди, торчащие из набросанной перед окнами фанеры. Джейсон догадался, что подобным образом хозяева защищали подход к окнам.

– Держитесь, – произнес клерк, протягивая в темноте руку Джейсону. – Здесь ничего не видно, но я знаю, как можно пройти. Свет в этом районе отключили три года назад. Пытаются выжить людей, чтобы сжечь дома. Большинство, правда, остались, – добавил он после небольшой паузы.

Влажная холодная рука клерка тащила Джейсона через нагромождение столов и стульев, многие из которых были перевернуты, во все стороны торчали затянутые грязной паутиной ножки. Наконец они уткнулись в черную неподвижную стену. Клерк выпустил его руку и принялся шарить по стене.

– Открыть я не могу, – пояснил он. – Открыть можно только с другой стороны. Я пытаюсь дать сигнал, что мы здесь.

Неожиданно часть стены со скрежетом отошла в сторону. Как Джейсон ни таращился, он ничего не увидел, кроме новой темноты. И запустения.

– Переступайте, – произнес клерк и снова протянул руку. Спустя мгновение стена с тем же скрежетом сомкнулась за ними.

Зажегся свет. Джейсон непроизвольно зажмурился и прикрыл глаза рукой. Потом осторожно осмотрел помещение.

Оно оказалось небольшим. Между тем он увидел несколько сложных и весьма специализированных приборов. У дальней стены стоял верстак. Сотни инструментов были аккуратно закреплены на стенах. Под верстаком стояли несколько картонных коробок; в них скорее всего, хранилась бумага. Рядом находился небольшой печатный станок, работающий от генератора.

Девушка сидела на высоком стуле и вручную набирала строку на печатном станке. Джейсон обратил внимание на длинные белесые волосы, ниспадающие на простенькую рубашку. Она носила джинсы, удивительно маленькие ноги были босы. Ему показалось, что девушке не больше пятнадцати или шестнадцати лет. Грудь почти не просматривалась, зато ноги были красивые и длинные. Джейсон это любил. Девушка совсем не пользовалась косметикой, отчего ее черты казались бледными и приглушенными.

– Привет, – улыбнулась она.

– Я пошел, – сказал клерк. – Постараюсь не потратить пятьсот долларов в одном месте. – Он нажал на кнопку, и часть стены снова сдвинулась в сторону. При этом свет в комнате погас, и все погрузилось в кромешную тьму.

– Меня зовут Кэти, – произнесла девушка со своего стула.

– А меня Джейсон, – ответил он. Стена вернулась на место, снова зажегся свет.

А она красива, подумал Джейсон. Только какая-то невыразительная. Как будто ей на все наплевать. Апатия? Нет. Просто стесняется, вот в чем дело.

– Вы заплатили пятьсот долларов за то, чтобы вас сюда привели? – спросила она, с любопытством глядя на Джейсона. Ему показалось, что она оценивает его внешний вид.

– Обычно я не хожу в таком мятом костюме, – проворчал он.

– У вас очень красивый костюм. Это шелк?

– Да.

– Вы студент? – спросила девушка, продолжая его разглядывать. – Нет, – покачала она головой, – от жизни под землей ваша кожа стала бы серой и одутловатой. Остается другое.

– Что я преступник, – сказал Джейсон. – Пытаюсь сменить обличье, пока меня не схватила полиция.

– В самом деле? – спросила она без всякого беспокойства. Вопрос прозвучал просто и обыденно.

– Нет. – Джейсон решил не вдаваться в подробности. Может быть, позже.

– Говорят, среди нацгвардейцев много роботов. На них постоянно надеты противогазы, так что разобрать невозможно.

– Я их ненавижу. И даже не приглядываюсь.

– Какое удостоверение вам нужно? – спросила девушка. – Водительские права? Пропуск для полиции? Справка о работе?

– Все, – ответил Джейсон. – И еще карточка члена союза музыкантов.

– Так вы музыкант? – На этот раз она посмотрела на него с искренним любопытством.

– Вокалист. У меня часовая развлекательная программа на телевидении. Каждый вторник в девять вечера. Может быть, видели? Шоу Джейсона Тавернера.

– У меня давно нет телевизора, – сказала девушка. – Так что я вас не узнала. Интересная у вас работа?

– Бывает. Приходится встречаться со звездами шоу-бизнеса. Если вам это нравится, тогда все в порядке. На самом деле это такие же люди, как и все. Со своими страхами. Они далеко не совершенны. Многие смешны. Как перед камерой, так и в жизни.

– Мой муж всегда говорил, что у меня нет чувства юмора, – промолвила девушка. – Ему все казалось смешным. Даже то, что его призвали в нацгвардию.

– Он продолжал смеяться, когда отслужил?

– Он не отслужил. Погиб в стычке со студентами. Но они не виноваты. Пристрелил его свой гвардеец.

– Во сколько мне обойдется полный комплект документов? – спросил Джейсон. – Скажите сразу, пока вы не принялись за дело.

– Я беру с человека столько, сколько он может заплатить, – ответила девушка, снова принимаясь за набор. – С вас я возьму много, потому что вы богаты. На вас дорогой костюм, кроме того, вы дали Эдди пятьсот долларов только за то, что он вас сюда привел. Или я не права? – Она взглянула на Джейсона. – Скажите.

– У меня при себе пять тысяч долларов. Вернее, на пятьсот меньше. Я знаменитый на весь мир артист. Помимо своего шоу я месяц в году работаю в «Сэндз». Я посещаю самые дорогие клубы, если есть время.

– Ух ты! – воскликнула Кэти. – Жаль, что я про вас не слышала. Вот бы я удивилась, когда вы пришли!

Джейсон рассмеялся.

– Я глупость сказала? – потупилась Кэти.

– Нет, – улыбнулся Джейсон. – Сколько вам лет?

– Девятнадцать. У меня день рождения в декабре, так что мне почти двадцать. А вы бы мне сколько дали?

– Не больше шестнадцати.

Она по-детски скривила ротик.

– Все так говорят. Это потому, что у меня нет груди. Была бы грудь, мне бы давали двадцать один. А вам сколько? – Она пристально посмотрела на Джейсона. – Думаю, около пятидесяти.

Джейсона охватила ярость. И отчаяние.

– Похоже, я вас обидела.

– Мне сорок два года, – сдавленно произнес он.

– Ну и какая разница? – удивилась она. – Для меня что…

– Давайте займемся делом, – перебил девушку Джейсон. – Дайте мне ручку и бумагу. Я напишу, что мне надо. Какие документы, с какими данными. Я хочу, чтобы все было сделано как положено. Так что уж постарайтесь.

– Я вас огорчила, – покачала головой Кэти. – Когда сказала, что вам пятьдесят. Знаете, если приглядеться, вам не дашь пятидесяти. Лет тридцать, не больше. – Она протянула ему ручку и бумагу и смущенно улыбнулась.

– Да ладно, – отмахнулся Джейсон и потрепал ее по плечу.

– Я не люблю, когда меня трогают, – сказала она, отстраняясь.

Как фавн в лесу, подумал Джейсон. Странно, она боится, что ее погладят, а сама занимается изготовлением фальшивых документов. За такое преступление дают двадцать лет тюрьмы. Может, никто ей не говорил, что это противозаконно? Может, она действительно этого не знает?

Возле противоположной стены он заметил что-то яркое и, подойдя ближе, разглядел средневековый манускрипт. Вернее, страницу из него. Джейсон много читал о подобных рукописях, но видеть их ему до сих пор не приходилось.

– Ценная вещь? – поинтересовался он.

– Если бы была настоящей, стоила бы не меньше сотни долларов, – ответила Кэти. – Но это подделка. Я сделала ее несколько лет назад, когда оканчивала Североамериканское авиационное училище. Пришлось десять раз копировать оригинал, прежде чем у меня получилось. Я люблю хорошую каллиграфию. С самого детства. Может быть, это у меня от отца. Он был дизайнером. Рисовал обложки для книг.

– Прошла бы такая подделка в музее? – Какое-то время Кэти пристально смотрела на него. Потом утвердительно кивнула.

– А бумага? Неужели бы они не догадались?

– Это пергамент. Такой же старинный. Так подделывают марки. Берется старая ненужная марка, стирается рисунок и… – Она замолчала. – Вы, кажется, хотите, чтобы я быстрее сделала вам документы…

– Да, – сказал Джейсон и протянул ей клочок бумаги, на котором записал все данные. Самое главное, документы, по которым можно проходить контрольные пункты после комендантского часа. С отпечатками пальцев, топографическими подписями и фотографиями, с ограниченным сроком годности. Через три месяца все придется переделывать заново.

– Две тысячи долларов, – сказала Кэти, изучив листок.

Джейсону хотелось спросить, можно ли с ней переспать за эти деньги. Вслух, однако, он произнес:

– Сколько времени это у вас займет? Несколько часов? Дней? И если дней, то где я…

– Часов, – сказала Кэти.

Он испытал прилив облегчения.

– Садитесь, будете меня развлекать. – Она показала на стоящий в стороне треногий стул. – Расскажите о своей карьере артиста. О том, какой вы знаменитый. Страшно даже представить, по скольким телам вам пришлось пройтись, прежде чем вы добрались до таких вершин. Вы ведь добрались до вершины?

– Да, только по телам я не шел. Это миф. Все зависит от того, как вы работаете, а не от того, как вы поступаете с другими, будь они ваши начальники или подчиненные. В этом деле ничто не дается легко. Если человек привык прохлаждаться, ему никогда не подписать контракта с Эн-би-си или Си-би-эс. Там сидят крутые, опытные бизнесмены. Особенно в отделах А и Р – артистов и репертуара. Это там решают, с кем будет подписан контракт. А без контракта на записи не выйдешь на национальный уровень. Конечно, можно петь и в ночных

клубах, однако…

– Вот ваше водительское удостоверение, – перебила его Кэти и осторожно протянула маленькую черную карточку. – А я перехожу к военному билету. Это немного сложнее, потому что нужны фотографии анфас и в профиль, но их можно сделать здесь. – Она показала на белый экран, перед которым стояла тренога с фотокамерой. Тут же находилась огромная лампа.

– У вас есть все необходимое, – заметил Джейсон, устраиваясь напротив белого экрана. За свою жизнь ему пришлось немало позировать перед камерой, и он прекрасно знал, какое надо принимать выражение и как держаться. На этот раз, однако, он сделал что-то не так. Кэти критически оглядела Джейсона и поморщилась.

– Чего вы так напыжились? Сияете, как новогодняя елка.

– Привычка, – проворчал Джейсон. – Восемь на десять, в глянце…

– Нет, нет! – воскликнула Кэти. – Это совсем другое. Эти фотографии нужны, чтобы уберечь вас от концлагеря. Не улыбайтесь.

Джейсон нахмурился.

– Вот, уже лучше, – сказала Кэти. Она вытащила фотографии из камеры и отнесла их на рабочий столик, осторожно помахивая, чтобы они быстрее высохли. – Из-за дурацкой трехмерной анимации, которую вставили на военный билет, мне пришлось покупать камеру за тысячу долларов. Кроме анимации, на ней ничего делать нельзя. Но без нее мне не обойтись. – Девушка взглянула на Джейсона. – Так что придется вам раскошелиться.

– Хорошо, – кивнул он. Это и так было ясно. Какое-то время Кэти возилась с фотографиями, потом не выдержала и спросила:

– Кто вы на самом деле? Судя по всему, позировать вам приходится часто. У вас такая натренированная улыбка, сверкающие глаза…

– Я же говорил вам. Я – Джейсон Тавернер. Веду развлекательное шоу на телевидении. Приглашаю знаменитостей. Каждый вторник.

– Нет, – покачала головой Кэти. – Это действительно не мое дело. Не надо мне было спрашивать. – Посмотрев на него, она не удержалась и добавила: – На самом деле все не так. Вы ведете себя как знаменитость. И позируете вы классно. Однако на самом деле никакого Джейсона Тавернера нет. Тогда кто вы? Человек, которого все время снимали и никто про него не знает?

– Я веду себя как знаменитость, которую никто не узнает, – усмехнулся Джейсон.

Какое-то время девушка смотрела на него, потом рассмеялась.

– Понятно. Здорово вы сказанули. По-настоящему здорово. Надо запомнить.

Она вновь склонилась над фотографиями.

– Знаете, когда подделываешь документы, лучше ничего не знать про своих заказчиков. Но вы, – она подняла глаза, – вы совсем другой. Вы необычный. Я ведь тут сотни людей перевидела. Ни один на вас не походил. Знаете, что я думаю?

– Вы думаете, что я сумасшедший, – сказал Джейсон.

– Ага, – кивнула Кэти. – Клинический псих. У вас раздвоение личности. Мистер Никто и мистер Все. Как вы только до сего дня дожили?

Джейсон промолчал. Объяснить это было нельзя.

– Так, – протянула Кэти, заканчивая очередное удостоверение. Ловко и профессионально она подделывала один документ за другим.

Эдди, клерк из отеля, ни с того ни с сего вернулся с фальшивой гаванской сигарой в зубах. Делать ему было нечего, но по каким-то ему одному ведомым причинам он не уходил. Проваливал бы, что ли, подумал Джейсон. Ему хотелось еще поговорить с девушкой.

– Идемте со мной, – неожиданно сказала Кэти, спрыгнув с высокого рабочего стула. – Сюда. – Она показала на деревянную дверь справа от верстака. – Вам надо расписаться пять раз. Каждый раз чуть-чуть по-новому, чтобы подписи нельзя было наложить одна на другую. Многие документировщики – так мы себя называем – спалились именно на этом. Берут одну подпись и переносят ее на все документы. Понимаете?

– Понимаю, – произнес он, входя в пропахшую плесенью крошечную комнатушку.

Прикрыв дверь, Кэти прошептала:

– Эдди – полицейский стукач.

– Почему? – растерянно пробормотал Джейсон.

– Что «почему»? Почему он стукач? Потому что за это платят. Как, кстати, и мне.

– Черт бы тебя побрал! – Джейсон схватил девушку за правую руку и резко дернул на себя. Она скривилась от боли. – Он уже…

– Пока что он ничего не сделал, – прохрипела она, пытаясь вырвать руку. – Послушайте, мне больно! Успокойтесь, в конце концов, я все вам объясню!

Джейсон неохотно выпустил ее руку. Сердце его колотилось как бешеное. Кэти зажгла лампу и выложила в круге света три только что изготовленных ею удостоверения.

– Видите эти точки? – Она показала на едва заметные крошечные красные кружочки у самой кромки документов. – Это микропередатчики. Издают сигнал каждые пять секунд. Так борются с заговорщиками. Полиция хочет взять всех ваших сообщников.

– У меня нет сообщников, – хрипло выдохнул Джейсон.

– Они об этом не знают, – пробормотала девушка, потирая запястье. – У вас, непризнанных знаменитостей, неплохая реакция.

– Почему вы мне все рассказали? – спросил Джейсон. – После того как подделали документы?

– Хочу, чтобы вы выбрались.

– Почему? – спросил Джейсон.

– Потому что, черт побери, вы обладаете магнетизмом. Меня пробило, как только вы вошли. Вы такой… – она запнулась, подбирая слово, – сексуальный. Несмотря на свой возраст.

– Вы почувствовали мою силу, – сказал он.

– Да, – кивнула Кэти. – Я догадывалась, что знаменитые люди ею обладают. Но я никогда не видела их близко. Теперь я понимаю, почему вы вообразили себя телезвездой.

– Как мне отсюда выбраться? Подскажете? Или надо доплатить?

– Какой же вы циничный! – воскликнула она. Джейсон засмеялся, потом снова взял ее за запястье.

– Ладно, я на вас не сержусь, – встряхнула головой девушка. – Во-первых, Эдди можно подкупить. Еще пятьсот, и вопрос решен. Меня подкупать не надо. Если… если вы останетесь со мной. У вас есть шарм. Как у дорогих духов. Я это чувствую. К тому же… я никогда не занималась этим с мужчинами.

– Только с женщинами? – опешил он. Она проигнорировала вопрос.

– Согласны? – прищурилась Кэти.

– К черту, – прошипел Джейсон. – Я ухожу. Он распахнул дверь и вышел в мастерскую. Девушка кинулась за ним. В полумраке заброшенного ресторана она нагнала Джейсона и, задыхаясь, произнесла:

– На вас уже закреплен передатчик.

– Сомневаюсь, – проворчал Джейсон.

– Говорю вам. Эдди его повесил.

– Чепуха. – Отодвинув девушку в сторону, Джейсон решительно направился к провисшей сломанной двери ресторана.

Кэти бросилась следом, как проворное животное.

– Подождите. Представьте, что это на самом деле так. Поверьте мне. – У самых дверей она его обогнала и преградила ему дорогу, выставив руки, словно он мог ее ударить.

– Останьтесь на одну ночь. Переспите со мной. Один раз. И все. Обещаю. Всего один раз. Согласны?

Наверное, кое-какие из моих способностей еще сохранились. Даже здесь, в этом странном мире, в котором я вдруг оказался. Где меня, похоже, вообще нет, кроме как на поддельных документах, изготовленных полицейским осведомителем. Жутко. Джейсона передернуло. Удостоверения со встроенными передатчиками, чтобы выследить меня и тех, кто мне помогает. Здесь я долго не выживу. Хотя шарм, если верить этой девочке, при мне. О боже, подумал он. Это все, что может спасти меня от трудового лагеря.

– Ладно, – сказал он наконец.

– Заплатите Эдди. И пусть проваливает.

– А я-то думаю, чего он тянет… Чует, что можно еще поживиться?

– Наверное, – кивнула Кэти.

– Для тебя это нормально, – сказал Джейсон, вытаскивая деньги. – Обычная операционная процедура. Как он догадался, что можно еще подзаработать?

– Эдди – псионик, – весело сказала Кэти.

Глава 4

Кэти жила в двух кварталах в некогда белом деревянном некрашеном доме. Там у нее была одна комнатка со встроенной кухней, где можно было приготовить еду на одного человека.

Джейсон огляделся. Типичная девичья комнатушка: кровать, похожая на кушетку, ручной работы покрывало, состоящее сплошь из вышитых зеленых шариков, – словно могилы игрушечных солдатиков, мрачно подумал Джейсон. На плетеном столике лежал томик Пруста. «В поисках утраченного времени».

– Докуда дочитали?

– До «Под сенью девушек в цвету». – Кэти заперла дверь и включила какое-то электронное устройство. Джейсон таких раньше не видел.

– Это самое начало.

– А вы докуда дочитали? – Кэти сняла плащ и повесила его на вешалку.

– Я эту книгу вообще не читал, – честно признался Джейсон. – Но как-то раз мы ставили из нее сценку, уже не помню какую. Помню, что мы получили много откликов, однако больше к этой затее не возвращались. Есть вещи, с которыми следует обращаться осторожно.

Джейсон прошелся по комнате, разглядывая кассеты, книги, микромагнитофон. У нее была даже говорящая игрушка. Как ребенок, подумал Джейсон. Она и в самом деле еще не повзрослела.

Из любопытства он обратился к говорящей игрушке.

– Привет, – тут же откликнулся уродец. – Меня зовут Веселый Чарли. Я настроен на твою волну.

– Никакому Веселому Чарли я не разрешал настраиваться на свою волну, – проворчал Джейсон. – Извини, дружище, я тебя выключу.

– Но я же люблю тебя, – писклявым голосом запротестовал Чарли.

Джейсон остановился, не убирая палец с кнопки.

– Докажи, – сказал он. Ему приходилось рекламировать подобную дрянь в своих программах. Он всегда ненавидел эти игрушки.

– Я знаю, что ты вернешь свою славу, имя и тему, – произнес Чарли. – Пойдет для начала?

– Пойдет, – усмехнулся Джейсон.

– Постарайся найти свою подружку, – проблеял уродец.

– Ты про кого? – настороженно спросил Джейсон.

– Про Хизер Гарт.

– Неплохо, – кивнул Джейсон. – Еще что посоветуешь?

– Я знаю Хизер Гарт, – сказала Кэти. Она вынула из встроенного в стену холодильника бутылку с апельсиновым соком. Бутылка была уже на три четверти пуста. – Красивая. У нее такие длинные рыжие волосы. Она в самом деле ваша подруга? Чарли прав?

– Всем известно, что Веселый Чарли всегда прав.

– В самом деле, – пробормотала Кэти и смешала сок с джином в пластиковых стаканчиках. – Вот коктейль, называется «отвертка», – с гордостью произнесла она, протягивая стакан Джейсону.

– Нет, спасибо, для таких напитков еще не время. – Неужели она в самом деле полицейский информатор, подумал Джейсон. Странно.

– Вы меня спросите! – запищал Чарли. – Я же вижу, что вас гложут сомнения. Да, да, я тебе говорю, красавчик!

– Скажи мне, эта девушка… – начал Джейсон, но Кэти неожиданно вырвала игрушку у него из рук. Глаза ее сверкали негодованием.

– Черта с два я позволю вам расспрашивать Чарли обо мне!

Птица, защищающая свое гнездо, подумал Джейсон и рассмеялся.

– Вам весело? – спросила Кэти.

– От этих говорящих игрушек, – улыбнулся Джейсон, – больше хлопот, чем пользы. Их давно следовало бы запретить. – Он протиснулся к столику для телевизора, на котором лежала пачка писем. Рассеянно перебирая конверты, обратил внимание на то, что ни один конверт со счетом не распечатан.

– Это адресовано мне, – с вызовом произнесла Кэти.

– Вам приходит много счетов, – заметил Джейсон. – Для одинокой девушки, живущей в такой норе… Где вы покупаете одежду? В «Метгере»? Интересно…

– Я беру там… нестандартные размеры.

– А обувь покупаете в «Сакс и Кромби».

– При моей работе… – начала она, но он решительно поднял руку.

– Не надо. Я все равно не поверю.

– Загляните в мой шкаф. Вещей у меня немного. Я предпочитаю иметь несколько хороших вещей, чем кучу всякого хлама.

– У вас ведь есть другая квартира? – спросил Джейсон. Похоже, он попал в точку. Глаза девушки сверкнули, она растерянно молчала.

– Поедем туда, – предложил он. Он уже не мог находиться в этой тесной комнатушке.

– Я не могу вас туда пригласить, – сказала Кэти. – Я снимаю ту квартиру вместе с двумя другими девушками. Сегодня не моя очередь.

– По крайней мере вы не пытаетесь произвести на меня впечатление, – усмехнулся Джейсон. Вместе с тем он вдруг почувствовал какое-то смутное раздражение. Как будто его опять недооценили.

– Если бы сегодня был мой день, мы бы поехали, – сказала Кэти. – Теперь вы понимаете, зачем мне нужна эта комнатка – чтобы было куда прийти, когда не моя очередь. А мой день в следующую пятницу. – Голос ее звучал откровенно и честно. Словно она хотела его в чем-то убедить.

Может, оно и правда, подумал Джейсон. Как бы то ни было, раздражение не проходило. Эта девушка и вся ее жизнь… Ему показалось, что какая-то сила тянет его на дно, в неведомые глубины, которых он не познал даже в самый черный период своей жизни. И это ему не нравилось.

Хотелось как можно быстрее уйти. Животное загнали в клетку. И этим животным был он.

– Не смотрите на меня так, – произнесла Кэти, потягивая свою «отвертку».

Обращаясь к самому себе, он произнес вслух:

– Ты выбил дверь жизни своей большой и крепкой башкой. Теперь дверь не закрывается.

– Откуда это? – спросила Кэти.

– Из моей жизни.

– Похоже на стихи.

– Если бы вы смотрели мое шоу, вы бы знали, что подобные находки у меня на каждом шагу.

Окинув его оценивающим взглядом, Кэти сказала:

– Я пороюсь в телевизионных программах. Может, и вас найду. – Она поставила бокал и присела рядом с кучей валяющихся на полу газет.

– Да я вообще не родился, – проворчал Джейсон. – Я уже проверял.

– И шоу вашего в программах нет, – промолвила Кэти, складывая газеты в пачку.

– Вот так, – вздохнул Джейсон. – Теперь вы все обо мне знаете. В том числе и это. – Он постучал по нагрудному карману, в котором лежали поддельные удостоверения. Вместе с передатчиками.

– Дайте их мне, – сказала Кэти. – Я сотру микропередатчики. Это займет не больше секунды. – Она протянула руку. – Вы же не возражаете, если я их сотру?

– Если честно, я уже не понимаю, что здесь хорошо, а что плохо. Стирайте, если вам от этого будет легче.

Спустя мгновение девушка вернула ему удостоверения и улыбнулась так радостно, как улыбаются только в шестнадцать лет.

– Я древен, как тот вяз, – усмехнулся Джейсон.

– Это из «Поминок по Финнегану», – воскликнула Кэти. – Когда старые прачки сливаются в сумерках с деревьями и камнями.

– Вы что, читали «Поминки по Финнегану»? – изумился Джейсон.

– Нет. Я видела фильм. Четыре раза. Я обожаю Хезелтайна. По-моему, он лучший современный режиссер.

– Я приглашал его на свое шоу, – сказал Джейсон. – Хотите знать, какой он на самом деле?

– Нет, – покачала головой Кэти.

– Может, все-таки хотите?

– Нет, – повторила она громко. – Даже не пытайтесь мне про него рассказывать. Я верю в то, во что хочу верить. А вы верьте в свое. Договорились?

– Конечно, – кивнул Джейсон. Он вдруг почувствовал к этой девушке большую симпатию. Он всегда полагал, что люди, которые считают правду добродетелью, сильно ошибаются. В большинстве случаев сочувственная ложь гораздо гуманнее и приносит больше пользы. Особенно в отношениях между мужчиной и женщиной. И всегда, когда дело касается женщин.

В данный момент он имел дело не с женщиной, а с молоденькой девчонкой. Следовательно, ложь была просто необходима.

– Он ученый и художник, – сказал Джейсон.

– Правда? – воскликнула Кэти.

– Правда.

Она с облегчением вздохнула.

– Вы поверили, что я встречался с Майклом Хезелтайном, величайшим из ныне живущих режиссеров? Значит, вы верите в то, что я – шестой… – Джейсон осекся. На эту тему он говорить не собирался.

– Шестые, – рассеянно повторила Кэти, словно пытаясь что-то припомнить. – Я читала о них в «Таймс». Разве они еще сохранились? Я думала, правительство их всех перестреляло. Первым, конечно, предводителя, как его звали? Тигарден, вспомнила. Уильям Тигарден. Он попытался устроить… как это называется… заговор против нацгвардии. Хотел объявить гвардию незаконным вооруженным сформированием.

– Формированием, – поправил ее Джейсон.

– Вам совсем не интересно! – вспылила девушка.

– Ну почему же! – воскликнул Джейсон. Он ждал, но Кэти продолжала молчать. – О боже, – не выдержал он. – Ну говорите же!

– По-моему, – наконец произнесла Кэти, – седьмые не позволили шестым довести заговор до конца.

Седьмая генерация, опешил Джейсон. Ни разу в жизни он не слышал о седьмых. Вот это да! Как хорошо, что я допустил эту оговорку. Похоже, сам того не желая, я кое-что узнал. Наконец-то.

Раздался слабый треск, часть стены сдвинулась в сторону, и в образовавшуюся щель протиснулся черно-белый кот. Кэти тут же с радостью схватила его на руки.

– Философия Динмана, – улыбнулся Джейсон. – Обязательный кот. – Он был знаком с этой теорией. По сути дела, это он вывел Динмана на большую аудиторию в одной из своих программ.

– Он мне просто нравится. – Кэти приподняла кота, чтобы Джейсон мог его получше рассмотреть.

– Но вы же согласны, что обладание животным повышает в человеке эмпатические…

– Оставьте эти глупости, – сказала Кэти, прижимая кота к шее и играя с ним, как пятилетний ребенок со своим первым любимцем. – Его зовут Доменико.

– В честь Доменико Скарлатти? – спросил Джейсон.

– Нет, в честь рынка Доменико. Мы его проезжали по дороге сюда. Когда я живу в малой квартире, так я ее называю, я все покупки делаю на рынке. А Доменико Скарлатти – музыкант? Никогда не слышала.

– Он учил английскому Авраама Линкольна.

– О! – растерянно выдохнула девушка и принялась качать кота.

– Простите, я над вами смеюсь. Это нехорошо. – Кэти посмотрела на него и искренне произнесла:

– Я не чувствую, когда вы надо мной смеетесь.

– Поэтому я и говорю, что это некрасиво с моей стороны.

– Но если я все равно этого не чувствую, какая тогда разница? Выходит, я глупая?

– Вы не глупая. Вам просто не хватает опыта. – Джейсон попытался прикинуть разницу в возрасте. – Я прожил почти что в два раза больше вас. К тому же за последние десять лет мне пришлось потолкаться среди самых влиятельных людей планеты. И еще…

– И еще вы – шестой, – закончила Кэти. Она не забыла его оговорку. Конечно, нет. Он мог сказать ей что угодно, и через десять минут она бы не вспомнила. Но такие оговорки не забываются. Так уж устроен мир.

– Что для вас означает Доменико? – спросил Джейсон, меняя тему. Резковато, подумал он, но останавливаться было поздно. – Почему кот заменяет для вас людей?

Девушка нахмурилась и задумалась.

– Он всегда чем-то занят. Всегда у него что-то происходит. Например, следит за жуком. Или ловит мух. Знаете, как он наловчился ловить мух? Ни одна не улетит. – Кэти весело улыбнулась. – Мне никогда не приходит в голову заложить его мистеру Мак-Налти. Мистер Мак-Налти – мой контакт в полиции. Это ему я передаю аналоги микропередатчиков. Помните, я показывала вам красные точки?

– А он вам за это платит. – Кэти кивнула.

– И вы продолжаете заниматься этим делом?

– Знаете… – она растерянно пожала плечами, – у меня не так уж много клиентов.

– Чепуха, – оборвал ее Джейсон. – Я видел, как вы работаете. Вы великолепно работаете. У вас огромный опыт.

– Это талант.

– Натренированный талант.

– Пусть так, но все это уходит на мою квартиру в пригороде. Мою главную квартиру. – Она заскрипела зубами, настолько ей не понравилось, как Джейсон загоняет ее в угол своими вопросами.

– Не верю, – покачал головой он.

После долгой паузы Кэти произнесла:

– Мой муж жив. Его держат в трудовом лагере на Аляске. Я работаю на Мак-Налти, чтобы его отпустили. Мак-Налти говорит, что через год Джек будет со мной.

Вот оно как, подумал Джейсон. Ты посылаешь других людей в лагеря, чтобы выручить своего мужа. Что ж, типичная полицейская сделка. По крайней мере сейчас она, похоже, не врет.

– Для полицейских вы просто находка. Они отпустят одного человека, а засадят… Сколько, вы сказали, у вас было заказчиков? Десятки? Сотни?

– Человек сто пятьдесят, – ответила Кэти, подумав.

– Это плохо, – промолвил Джейсон.

– Разве? – пристально взглянула на него девушка. Неожиданно она рассердилась. Лицо Кэти исказила недовольная гримаса. Резко прижав кота к

груди, она выкрикнула:

– Ничего плохого тут нет! Я люблю Джека, а он любит меня! Он мне пишет! Часто!

– Письма подделаны, – жестоко произнес Джейсон. – Специалистами из полиции. – Глаза девушки наполнились слезами.

– Вы думаете? Мне тоже так иногда кажется. Хотите, я принесу письма? Вы сможете отличить подделку?

– Допускаю, что письма настоящие. Для них дешевле оставить его в живых, чтобы он сам их писал. – Джейсон надеялся, что это ее успокоит. Похоже, так и произошло. Во всяком случае, плакать она перестала.

– Я об этом не думала, – произнесла Кэти, рассеянно глядя перед собой и по-прежнему машинально покачивая своего маленького черно-белого кота.

– Если ваш муж жив, – на этот раз Джейсон старался говорить осторожнее, – хорошо ли вам ложиться в постель с другим мужчиной?

– Да, конечно. Джек никогда против этого не возражал. Даже до ареста. А уж теперь и подавно. Он даже писал мне об этом. Месяцев шесть назад. Я могу найти это письмо. Они у меня все на микрофильмах.

– Зачем? – удивился Джейсон.

– Для заказчиков. Чтобы они поняли, почему я так поступила.

После этих слов Джейсон долго не мог разобраться в своих чувствах. Похоже, девушка угодила в ситуацию, из которой уже не могла выбраться самостоятельно. Он даже не представлял, какой может быть выход. Круг замкнулся. Семена зла попали на благодатную почву и дали всходы.

– Послушайте, – мягко сказал он, положив руку на плечо Кэти.

Она тут же отодвинулась.

– У вас нет другого пути. Потребуйте, чтобы его отпустили немедленно. Скажите, что больше никого не будете сдавать.

– Думаете, они его отпустят?

– Попробуйте. В любом случае вреда не будет. – Джейсон попытался представить себе мистера Мак-Налти. Ей никогда не удастся его переиграть. Еще никому в этом мире не удавалось переиграть мистеров Мак-Налти. Разве что в исключительных ситуациях.

– Вы знаете, кто вы? Вы – замечательный человек! – воскликнула Кэти.

Джейсон пожал плечами. Как и все истины, это утверждение относительно. Может, и замечательный. По крайней мере в данной ситуации. В других – нет. Но Кэти об этом не знает.

– Сядьте. Играйте со своим котом, пейте коктейль. Ни о чем не думайте, просто живите. Сумеете? Освободите сознание. Хотя бы ненадолго. Попытайтесь. – Он пододвинул девушке стул, и она послушно села.

– Я вообще-то всегда так делаю, – произнесла Кэти.

– Только вы делаете это недоброжелательно. А теперь постарайтесь делать все позитивно.

– Как? Я не понимаю.

– Делайте все с реальной целью, а не для того, чтобы убежать от ненавистной действительности. Делайте потому, что любите своего мужа, потому, что хотите, чтобы он вернулся.

– Да, – кивнула Кэти. – Только теперь я встретила вас.

– Ну и что? – осторожно поинтересовался Джейсон. Слова девушки смутили его.

– У вас гораздо больше магнетизма, чем у Джека. Он – настоящий магнетик, но до вас ему далеко. Может быть, после встречи с вами я уже не смогу по-настоящему любить его. Или вы считаете, что человек способен любить сразу двоих, только по-разному? В группе по терапии, которую я посещаю, говорят – нет, надо выбирать. Они утверждают, что это один из основных аспектов жизни. Как вы догадались, мне уже приходилось встречать людей с более сильным магнетизмом, чем у Джека. Но все равно не с таким, как у вас. Сейчас я не знаю, что мне делать. В таких вопросах очень трудно принять решение, потому что не с кем посоветоваться. Никто тебя не понимает. Приходится полагаться только на себя, а в таких делах недолго и ошибиться. Ну, например, я предпочту вас Джеку; он вернется, а мне на него уже наплевать? Что тогда? Каково ему будет? Это важно. Но важно также и мое состояние. Если вы или кто-то другой нравитесь мне больше, чем Джек, то я должна обратить это в действие. Так учат на групповой терапии. Я ведь восемь недель пролежала в психиатрической клинике. Прошла курс «Утренней умственной гигиены» в Атертоне. Родственники за меня заплатили. Сумасшедшие деньги. На меня, к сожалению, не распространяется федеральная и социальная помощь. Как бы то ни было, мне помогли разобраться в себе. К тому же я завела массу друзей. Большинство людей, с которыми я по-настоящему общаюсь, – с этого курса. Конечно, когда я встретила их впервые, они показались мне знаменитыми – такими, как Мики Квин или Арлин Хоув. Как… вы.

– Я знавал и Квина, и Хоува, так что вы ничего не потеряли, – улыбнулся Джейсон.

Пристально глядя на Джейсона, Кэти произнесла:

– А может, вы и не знаменитость. Просто я вернулась в свой период иллюзий. Мне говорили, что это возможно. Рано или поздно. Получилось поздно.

– В таком случае, – заметил Джейсон, – я не более чем ваша галлюцинация. Вы уж постарайтесь, а то я действительно чувствую себя каким-то нереальным.

Кэти засмеялась, но настроение ее не изменилось.

– Вот было бы странно, если бы я вас на самом деле придумала! Значит, когда я поправлюсь, вы исчезнете?

– Я не исчезну. Просто перестану быть знаменитостью.

– Уже перестали, – сказала Кэти и посмотрела ему прямо в глаза. – Вот и все. Знаменитость, о которой никто никогда не слышал. Я вас придумала, вы – продукт моего больного воображения. И я начинаю выздоравливать.

– Солипсический взгляд на вселенную…

– Не надо. Вы прекрасно знаете, что подобные слова ничего для меня не значат. Кто я такая, по-вашему? Я не знаменита и не могущественна, как вы. Я просто человек, выполняющий отвратительную работу, потому что я люблю Джека. Послушайте. – Голос девушки стал твердым и жестким. – Единственное, что вернуло меня к реальности, – это то, что я любила Джека больше, чем Мики Квина. Я решила, что мальчик по имени Дэвид и есть настоящий Мики Квин. К тому же я знала, что у Мики Квина проблемы с сознанием, он лег в больницу, чтобы прийти в себя. Разумеется, это был страшный секрет, иначе бы пострадала его репутация. Поэтому он и выбрал себе такое имя – Дэвид. Но я знала. Или мне казалось, что я знала. Доктор Скотт сказал, что я должна выбрать между Джеком и Дэвидом, или Джеком и Мики Квином, за которого я принимала Дэвида. И я выбрала Джека. Вот так я и вылезла из этой ситуации. Теперь вам понятно, – подбородок девушки задрожал, – почему мне хочется думать, что Джек важнее всех остальных? Понятно? – Джейсон кивнул. Ему было понятно.

– Даже такие, как вы, – сказала Кэти, – люди с более сильным, чем у Джека, магнетизмом, не могут его заменить.

– Да я и не собирался, – пожал плечами Джейсон. Ему показалось, что наступило самое время сделать подобное замечание.

– Неправда! Вы все время пытаетесь это сделать. На определенном уровне. Это соперничество.

– Для меня вы всего-навсего маленькая девочка в маленькой комнатке в маленьком доме. Для меня весь мир принадлежит мне, вместе со всеми, кто его населяет.

– Только не в исправительном лагере.

На это замечание Джейсону пришлось согласно кивнуть. Кэти обладала неприятной способностью гасить любую риторику.

– Теперь вы кое-что узнали про меня и про Джека. Вам понятно, почему я могу лечь с вами в постель, не изменяя Джеку? Я ведь спала с Дэвидом в клинике в Морнингсайде, и Джек меня понял. Он понял, что я должна была так поступить. А вы понимаете?

– Ну, если у вас были проблемы с психикой…

– Проблемы с психикой тут совершенно ни при чем. Просто мне на роду было писано лечь в постель с Мики Квином. Я должна была это сделать. Исполнить космическое предписание. Понимаете?

– Понимаю, – мягко кивнул Джейсон.

– Кажется, я опьянела. – Кэти пристально посмотрела на свой напиток. – Вы правы, для «отвертки» еще слишком рано. – Она поставила полупустой бокал на столик. – Джек все видел. Во всяком случае, он мне сказал, что все видел. Думаете, солгал? Стал бы он мне врать? Ну, хотя бы, чтобы не потерять меня. Ведь мне надо было выбрать между ним и Мики Квином. – Девушка сделала паузу. – И я выбрала его. И всегда буду выбирать его.

Однако с Дэвидом я должна была переспать. Я имею в виду с Мики Квином.

Я связался с чокнутой, ненормальной, запутавшейся девицей, подумал Джейсон Тавернер. Такой же… нет, хуже, чем Хизер Гарт. Таких я еще не встречал за все свои сорок два года. И мне от нее не отделаться, иначе обо всем тут же узнает мистер Мак-Налти… Боже, а может, у меня вообще нет выхода? Она поиграет со мной, пока ей не надоест, а потом вызовет полицию? Тогда мне конец.

– Как вы думаете, – произнес он вслух, – за сорок с лишним лет нашел ли я ответ на ваш вопрос?

– Смотря на какой, – едко отозвалась Кэти. Джейсон кивнул.

– Вы ведь думаете, что после того, как мы переспим, я вас сдам полиции, – сказала она.

По правде говоря, так откровенно Джейсон свою мысль до сих пор не формулировал. Но общий смысл его опасений девушка передала верно. Поэтому он ответил очень осторожно:

– Я полагаю, в свои девятнадцать лет вы научились невинно и безыскусно использовать людей в своих целях. И это очень плохо. Раз начав, вы не можете остановиться. Вы даже не сознаете, что делаете.

– Вас бы я никогда не сдала. Я вас люблю.

– Вы знаете меня часов пять. Может быть, даже меньше.

– Я никогда не ошибаюсь, – твердо и торжественно произнесла она.

– Вы ведь даже не знаете, кто я!

– Я ни про кого этого не знаю, – сказала Кэти. Последнее, очевидно, стоило принять на веру. Джейсон решил пойти другим путем.

– Послушайте, вы представляете собой причудливую комбинацию невинного романтика и… – он хотел сказать «предателя», но вовремя исправился, – расчетливого, тонкого манипулятора.

Попросту говоря, интеллектуальная проститутка, подумал он про себя. Именно интеллектуальная – она ведь проституирует собственное сознание. Хотя сама, конечно, этого не сознает. А если бы осознала, тут же бы заявила, что ее вынудили. Конечно, вынудили. Только вот кто? Джек? Дэвид? Сама ты себя вынудила. Тем, что хочешь получить сразу двоих.

Бедный Джек. Бедолага сидит по уши в дерьме на Аляске, дожидаясь, пока чокнутая уличная девчонка вызволит его из беды. Не торопись, парень.

* * *

В тот вечер он поужинал с Кэти в небольшом итальянском ресторанчике в двух кварталах от ее дома. Похоже, она была знакома с хозяином и официанткой, во всяком случае, они с ней поздоровались, на что Кэти ответила рассеянным кивком, словно не до конца их узнала. Или, прикинул Джейсон, не до конца поняла, где находится. Девочка, подумал он, где же другая часть твоего сознания?

– Лазанья здесь просто отличная, – сказала Кэти, не глядя в меню. Казалось, она находится где-то далеко. И с каждой секундой продолжает удаляться. Похоже, надвигался кризис, но Джейсон недостаточно хорошо ее знал, чтобы предугадать, какую форму он примет.

– Когда у вас припадок, – спросил он напрямую, – что с вами происходит?

– О, – равнодушно откликнулась девушка, – я бросаюсь на пол и визжу. И еще пинаюсь. Бью всех, кто пытается меня остановить. И ограничить мою свободу.

– Это может случиться сейчас?

– Да. – Кэти подняла голову. Джейсон отметил, что лицо ее похоже на перекошенную маску. Но глаза оставались совершенно сухими. Похоже, на этот раз обойдется без слез.

– Я не приняла лекарство, – выдохнула девушка. – Мне положено принимать двадцать миллиграммов актозина в день.

– Почему вы не выпили лекарство? – спросил Джейсон. Чертовы больные никогда его не пьют, ответил он сам себе. Сколько раз уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

– Лекарство притупляет мой разум, – произнесла она, прикоснувшись пальцем к кончику носа. Казалось, девушка исполняет некий важный для нее ритуал.

– Но если оно…

– Я никому не позволю воздействовать на мой мозг! – взвизгнула Кэти. – Не позволю этим козлам ко мне прикасаться! Вы знаете, кто они?

– Вы только что сказали. – Джейсон говорил тихо и медленно, стараясь держать ситуацию под контролем. Он словно удерживал девушку от срыва в безумие.

Официант принес заказ. Еда оказалась просто отвратительная.

– Изумительная, истинно итальянская пища, – сказала Кэти, рассеянно наматывая спагетти на вилку.

– Действительно, – проворчал Джейсон.

– Вы думаете, что у меня начнется припадок. И не хотите оказаться замешанным.

– Правильно, – кивнул Джейсон.

– Тогда уходите.

– Я… – Он запнулся. – Вы мне нравитесь. Я хочу убедиться, что с вами все в порядке.

Ложь во спасение. Подобную ложь Джейсон всегда одобрял. Лучше солгать, чем брякнуть: «Как только я выйду, вы через двадцать секунд свяжетесь по телефону с мистером Мак-Налти». Хотя подумал он именно так.

– Со мной все будет в порядке. Они отправят меня домой. – Кэти рассеянно обвела рукой ресторан – посетителей, официантов, кассира. Повара, суетящегося в задымленной, не вентилируемой кухне. Пьяного у стойки бара, крутящего в руках бокал пива «Олимпия».

Стараясь говорить убедительно и спокойно, Джейсон произнес:

– Вы ведь взяли на себя ответственность.

– За кого? За вашу жизнь я ответственности не брала. Это ваша забота. Не грузите меня.

– Ответственность, – сказал Джейсон, – это осознание последствий своих поступков для других людей. У вас нет четкой моральной и этической позиции. Вы все время ведете себя так, словно вообще ничего не произошло. И постоянно пытаетесь переложить ответственность на чьи-то плечи.

Вскинув голову, девушка пристально посмотрела ему в глаза.

– Я что, причинила вам вред? Я спасла вас от полиции. Может, не следовало этого делать? – Кэти почти кричала. По-прежнему сжимая в руке вилку, она смотрела на него безжалостным, немигающим взглядом.

Джейсон вздохнул. Безнадежно.

– Нет, – произнес он наконец. – Вы поступили правильно. Спасибо. Я вам очень благодарен. – Выговорив эти слова, он вдруг ощутил по отношению к ней прилив острой ненависти. За то, что его так унизили. Да кто она такая? Девятнадцатилетняя пропащая девица, сопля, как она смеет так обращаться со взрослым шестым?.. Это было настолько неправдоподобно, что временами Джейсону хотелось рассмеяться. Но в целом ему было не до смеха.

– Вы воспринимаете мое тепло? – спросила она.

– Да.

– Вы чувствуете, как растекается вокруг моя любовь? Постарайтесь ее услышать. – Кэти замолчала, напряженно прислушиваясь. – Моя любовь подобна нежным побегам винограда.

Джейсон жестом подозвал официанта.

– Что у вас есть, кроме вина и пива?

– Марихуана, сэр. Лучший сорт – «Золотой Акапулько». И гашиш, класс А.

– А крепкие напитки?

– Нет, сэр.

Джейсон жестом отпустил официанта.

– Вы обращаетесь с ним как со слугой, – заметила Кэти.

– Ну да, – ответил Джейсон и громко закряхтел. Наконец-то удалось ее разозлить. Может, теперь все пойдет по-другому? – Самый обыкновенный паршивый официант в самом обыкновенном паршивом ресторане. Идем отсюда.

– Так вот что значит быть знаменитым, – с горечью произнесла Кэти и положила вилку на стол. – Теперь я понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, – проворчал Джейсон, стараясь, чтобы его услышали все вокруг. Утешительные нотки в его голосе пропали. Он встал и надел пальто. – Я ухожу.

– О боже, – запричитала Кэти. Глаза ее закрылись, рот же, напротив, исказился гримасой и широко открылся. – Боже мой, нет. Вы не понимаете, что вы сделали. Не понимаете.

Зажмурив глаза и стиснув кулачки, девушка завизжала. Джейсон никогда раньше не слышал, чтобы люди так кричали. Визг и перекошенное лицо его потрясли. Существуют крики сумасшедших, вспомнил Джейсон. Их издает не человек, они поднимаются из глубин коллективного подсознательного.

Хозяин заведения и два официанта застыли с меню в руках. Странным образом Джейсон отмечал все детали. Казалось, что в момент крика все вокруг замерло. Окаменели посетители – подняв вилки, опустив ложки, они прекратили жевать. Все вокруг остановилось, остался один ужасный, страшный крик.

При этом она выкрикивала слова. Грубые простонародные слова, которые пишут на заборе. Короткие разрушительные слова, рвущие на части всех в ресторане, в том числе и его, Джейсона. В особенности его.

Хозяин, шевеля усами, кивнул официантам, и те вытащили девушку из-за стола. Она бессильно повисла у них на руках. Повинуясь короткому жесту хозяина, официанты поволокли ее на улицу.

Джейсон оплатил счет и поспешил следом. В дверях, однако, хозяин его перехватил.

– С вас три сотни долларов.

– За что? – опешил Джейсон. – За то, что ее вышвырнули на улицу?

– За то, что не вызвали полицию.

С тяжелым сердцем Джейсон отдал деньги. Официанты усадили Кэти на тротуар недалеко от входа. Девушка молчала; прижимая пальцы к искривленному гримасой рту, она раскачивалась вперед и назад. Некоторое время официанты смотрели на нее, словно пытаясь определить, будут ли с ней еще проблемы. Затем, следуя общему решению, поспешно вернулись в ресторан. Джейсон и Кэти остались вдвоем под бело-голубой неоновой вывеской.

Опустившись на колени, он положил руку ей на плечо. На этот раз она его не оттолкнула.

– Мне очень жаль, – искренне произнес он. Так оно и было на самом деле. Я ее спровоцировал, подумал Джейсон. Не поверил в эти бредни. И проиграл. Ладно, теперь все будет так, как она хочет. Лишь бы все быстрее кончилось.

Интуиция подсказывала, что быстро не кончится.

Глава 5

Держась за руки, они шли по ночному городу мимо назойливых сияющих, мигающих, заливающих все вокруг потоков света. Эта часть города Джейсону не нравилась, ему приходилось видеть подобное миллионы раз в разных уголках мира. Именно отсюда он убежал в свое время, в самом начале жизни, чтобы добиться успеха, пользуясь тем, что он – шестой. И вот он вернулся.

На людей он зла не держал. Он понимал, что они попали в ловушку. Обычные люди, у них не было выбора. Не они придумали этот мир, он им тоже не

нравился, но они вынуждены были его терпеть, в то время как Джейсон мог позволить себе другое. Джейсон даже ощущал своеобразную вину, видя сумрачные лица, искривленные опущенные рты. Перекошенные несчастливые рты.

– Да, – сказала Кэти, – мне кажется, я в самом деле в вас влюбляюсь. Виноваты вы – вы и ваше магнитное поле. Знаете, я ведь могу его видеть.

– Вот как, – рассеянно пробормотал Джейсон.

– Оно имеет цвет багряного-черного бархата. – Кэти сжала его руку. И Джейсон удивился, какие у нее сильные пальцы. – У вас ярко выраженное магнитное поле. А мое вы видите?

– Нет, – сказал Джейсон.

– Странно. Я думала, видите. – Она успокоилась, истерика прошла, наступил период относительной стабильности.

Полная психопатка, подумал Джейсон. Да еще припадочная. С другой стороны, если каждый день…

– Моя аура, – перебила его мысли Кэти, – ярко-красная. Цвета страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/filip-dik/proleytes-slezy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить